

Вертикаль как часть спирали

Михаил Нейжмаков

Д. Фурман. «Движение по спирали. Политическая система России в ряду других систем». М.: «Весь мир», 2010

Около 20 лет назад вышел в свет сборник статей с говорящим названием «Иного не дано», авторы которого пытались оценить перемены, произошедшие в СССР за годы Перестройки, и высказать свой прогноз развития России. В 2010 году один из авторов того сборника известный политолог, доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института Европы РАН Дмитрий Фурман издал свою новую книгу. В ней он вновь пытается ответить на вопрос о том, как может в ближайшем будущем измениться политическая система России, по каким законам она развивалась в недавнем прошлом и возможна ли в нашей стране демократия.

С принципиальной идеей автора на вопрос «почему» вполне можно согласиться. Дмитрий Фурман отмечает, что политическая система России не является каким-то уникальным явлением, а имеет более или менее близкие аналоги среди государств Азии, Африки и Латинской Америки (стран периферийного капитализма, как сказали бы на месте автора левые теоретики), но главное — среди соседних государств постсоветского пространства. Подобные режимы автор называет «имитационными демократиями». Появление

«вертикали власти» — естественная черта развитого режима этого типа. Установление «имитационной демократии» в России, как отмечает Дмитрий Фурман, было во многом предопределено еще в первые годы после слома советской системы. Не последнюю роль в этом автор книги отводит либералам, оказавшимся на гребне волны в конце 1980-х. Будучи «революционным меньшинством», они, как отмечает политолог, сами подталкивали президента Бориса Ельцина к игнорированию демократических принципов, так как не опирались на широкие слои населения и постоянно опасались его «неправильного» выбора. Таким образом, либералам не стоит обижаться на «непоследовательного» Ельцина или «злого чекиста» Путина. Тот путь эволюции политического режима, по которому пошла Россия, во многом оказался проложен самими же критиками «суверенной демократии».

Впрочем, это не значит, что со всеми выводами автора можно безусловно согласиться. Для начала отметим одну случайную ошибку в тексте книги. В работе говорится, что КПРФ на выборах Госдумы РФ второго созыва в декабре 1995 года получила 39,4% голосов. На самом деле результат Компартии был 22,3%. Однако для такого опытного специалиста, как Дмитрий Фурман, это, конечно же, просто случайная оговорка.

Однако есть дополнения и замечания и по принципиальным мо-

ментам. Автор, например, не обращает внимания, что высокая поддержка КПРФ в эпоху 1990–х была связана не только с большим количеством людей, которые, по вполне объективным причинам, не могли адаптироваться к новым реалиям, но и со сложным процессом формирования новой политической элиты в стране. Автор совершенно не замечает, что большинство представителей советской номенклатуры встроились в новую элиту, однако процесс этот не был единовременным и быстрым. Не удивительно поэтому, что многие бывшие советские функционеры, которые изначально не вошли в число ельцинских назначенцев, сблизилась с КПРФ, избираясь на должности губернаторов. Тяготели к Компартии и многие представители «красных директоров», чувствовавшие себя неуютно в новых условиях. По мере того, как команда Бориса Ельцина покидали либералы «революционной волны» конца 1990–х, а сами представители старых элит могли находить свою нишу в новой системе, связь между ними и КПРФ становилась меньше. Став крупными чиновниками и региональными лидерами при позднем Ельцине, они почувствовали себя более уверенно. Отсюда – внутриэлитный конфликт в 1999 году, публично проявившийся как противостояние «Отечества – всей России» и «Единства» на выборах в Госдуму РФ. Этот конфликт вовсе не случаен, как считает автор книги, а вполне закономерен. Тем более, что, например, противоречие между элитными группами в Украине, объединившимися вокруг Партии регионов и ключевых «оранжевых» политических сил, имело схожую природу. Создание «Единой России» как раз и стало «мирным договором», на долгое вре-

мя закрепившим позиции основных элитных групп.

В работе Дмитрия Фурмана недооценен экономический базис политических процессов. Например, уход со своего поста Владимира Путина он объясняет тайными опасениями российского президента, что такой шаг «нарушит установившийся баланс между реальностью безальтернативной власти и формальными демократическими институтами». От целого ряда других подобных институтов (скажем, прямых выборов губернаторов) власти ведь отказались без подобных сантиментов. Наиболее вероятная причина здесь другая. «Либерал» и «гражданский юрист» Дмитрий Медведев должен был лучше, успешнее найти общий язык со странами ЕС, где экспансия крупного российского бизнеса встретила ряд препон.

По той же причине автор книги переоценивает влияние старожиллов региональной политики («Лужковых, Рахимовых» и т. д.), говоря об их «безальтернативности». По-настоящему, что книга была написана еще до громкого отставок данных чиновников. Дело, однако же, в другом. В течение всех 2000–х годов шла экспансия в регионы федеральных корпораций, приобретших там значимые активы, контролировавшиеся либо непосредственно региональными администрациями, либо структурами, близкими к их руководству. В итоге, там, где ключевые сектора экономики перешли под контроль крупного федерального бизнеса (включая госкорпорации или структуры, действующие в интересах федеральных властей), произошла смена губернаторов и даже полная замена правящих команд. Там, где старые региональные элиты смогли отстоять контроль над ключевыми активами,

произошла передача власти внутри одной и той же команды.

Книга Дмитрия Фурмана не претендует на четкий ответ относительно того, каким будет будущее российской политической системы. Автор книги видит возможность и «успешного перехода к демократии», и «возврата к безальтернативной власти» на «новый цикл». Конечно же, однозначного прогноза сегодня дать нельзя. Впрочем, и здесь с положениями книги возможно дискутировать. В ней, например, не слишком высоко оценены качества нынешней бюрократической элиты, в том числе и потому, что «в современной элите есть громадная преемственность с позднесоветской, уже очень выродившейся в результате длительного действия бюрократического отбора».

Все это так, однако отметим, что в период введения губернаторских выборов в России в середине 1990-х именно представители старой советской элиты смогли победить в большинстве из них. А в постсоветских республиках – встать во главе новых государств, отстранив от власти или вовсе не пустив туда «молодых и горячих» представителей различных национальных, религиозных и либеральных движений. Так что, стоит ли недооценивать возможности бюрократической элиты?

Впрочем, проблема возможных путей развития политического режима в России так сложна, что ее нельзя изложить подробно ни в короткой рецензии, ни в интересной, но все-таки краткой работе, подобной книге Дмитрия Фурмана.